

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

И. И. ПОТЕХИН

НАСЕЛЕНИЕ БАНТУ В ГОРОДАХ ЮЖНОЙ АФРИКИ

К началу голландской, а затем английской колонизации народы Южной Африки находились на различных ступенях развития родового общества. Колонизация и империалистическое господство явились сильным ударом по устоям родового общества, но оно выдержало эти удары и, претерпев значительные изменения, сохранилось до сих пор. Южноафриканские империалисты держат курс на консервацию этого архаического строя туземного населения. Генерал Смэтс, глава нынешнего правительства Южноафриканского Союза, читая в 1929 г. лекции будущим колониальным чиновникам в Оксфордском университете, так мотивировал необходимость сохранения этого строя: «Если будут расторгнуты узы племенных связей и авторитета, у африканских правительств окажутся повсеместно на руках потерявшие племенную связь орды, для которых уже не будут иметь значение и силу традиционные правила и дисциплина, установленные их вождями и старейшинами родов. Африканские туземцы с незапамятных времен были подчинены суровой, даже беспощадной дисциплине, а их социальный строй держался на деспотическом авторитете вождей. Если этот строй рухнет и племенная дисциплина исчезнет, туземное общество рассыплется на человеческие атомы, что таит в себе возможность всеобщего большевизма (!) и хаоса, на что ни один друг негров и цивилизации не смог бы равнодушно смотреть. Падение племенного строя надо предупредить во что бы то ни стало, надо сделать все, чтобы сохранить на будущее ту власть, которая управляла жизнью туземцев в прошлом. В интересах как самих туземцев, так и европейской администрации, несущей ответственность за их благополучие, мы должны принять все еще возможные меры для восстановления и сохранения авторитета вождей и поддержать узы солидарности и дисциплины, служившие в прошлом основой племенной организации туземцев»¹.

Крупнейший представитель и идеолог южноафриканских империалистов, «друг негров» генерал Смэтс со всей категоричностью утверждает, что племенная организация, родовые отношения туземных народов являются барьером, долженствующим преградить их выход на широкую историческую дорогу. Сохранение этих архаических институтов является одним из главных принципов так называемой «туземной политики» империалистического правительства Южноафриканского Союза.

¹ Эти лекции были в 1930 г. изданы под названием «Africa and some world problems». Лекция, посвященная обоснованию «туземной политики», переиздана в 1942 г. в сборнике речей Смэтса «Plans for a better world», pp. 52—52.

Империалисты загнали большую часть туземцев в резерваты и сложной паспортной системой прикрепили их к этим резерватам, создали для них «черту оседлости». Туземец не может выехать из резервата, не получив всякий раз специального на то разрешения, которое выдается лишь в том случае, если он законтрактрован на работу в горной промышленности или едет искать работы в городе, на фермах, принадлежащих европейцам. В резерватах сохраняется, агонизируя в мучительных судорогах, родоплеменная организация.

Империалисты признали институт племенных вождей и родовых старейшин, превратили их в своих чиновников, включили родоплеменную организацию в общую систему колониального аппарата. Правительственный циркуляр от 21 декабря 1928 г. за № 2252 включил в обязанности вождей племен и родовых старшин: 1) регистрацию налогоплательщиков, сбор налогов и взносов; 2) распределение земли, надзор за земельными знаками и изгородями; 3) предупреждение преступлений и наказание за них; 4) поставку рабочей силы и пр.

Вождь племени назначается генерал-губернатором и подчиняется чиновникам Департамента по туземным делам. В своих отношениях с соплеменниками вождь опирается не только на племенные обычаи и традиции, но на всю мощь колониального аппарата. Статья 19 «Кодекса туземных законов Наталя» предусматривает: «Выполняя или заставляя выполнять указания или приказы верховного вождя, вожди и старшины действуют как его представители, низшие по чину; действуя таким образом, они могут наложить штраф в сумме, не превышающей двух фунтов стерлингов, за любое неповиновение или нарушение приказа».

Вождям предоставлено право облагать соплеменников особым сбором в племенную казну. В газетах часто появляются сообщения об арестах туземцев за отказ платить налагаемые вождями штрафы и установленные ими сборы.

Империалистическое правительство Южноафриканского Союза признало и кодифицировало туземное обычное право, поставив тем самым родоплеменные обычаи под охрану полиции.

«Туземные резерваты, — пишет Шапера, — являются в настоящее время оплотом культуры банту. Здесь традиционные туземные учреждения сохранились в значительно большей степени, чем где-либо. Здесь сохранился и признается институт племенных вождей, суды действуют в соответствии с туземными законами и обычаями...»².

Конечно, социальная жизнь резерватов не стоит на мертвой точке; старые, родовые отношения разлагаются и в резерватах, но здесь они все же сохраняются и правительство пытается их законсервировать.

Другим основным принципом «туземной политики» империалистического правительства Южноафриканского Союза является полное использование труда туземного населения в интересах европейской промышленности и европейского фермерского, плантационного хозяйства. Южноафриканские капиталисты и помещики монополизировали всю экономическую жизнь страны. Им принадлежит вся горная и обрабатывающая промышленность, транспорт, городское хозяйство, 90% всей земли и всего сельскохозяйственного производства. Основой всей экономической жизни является дешевый труд туземцев. Около полумиллиона туземных рабочих занято в промышленности и на транспорте; на европейских фермах и плантациях живет больше миллиона туземцев в качестве рабочих-арендаторов и около полумиллиона в качестве наемных рабочих, батраков.

Туземное крестьянство играет ничтожную роль и как поставщик сельскохозяйственной продукции на рынок и как потребитель товаров

² «Western civilisation and the natives of South Africa», сборник под редакцией I. Schapera, 1934, стр. 39.

европейской промышленности. Главное назначение резерватов — быть поставщиком рабочей силы и местом содержания резервной армии труда. «Самым значительным экспортом из Транскей является рабочая сила», — пишет Мак-Милан, тщательно обследовавший этот крупнейший туземный резерват³. Секретарь по туземным делам Транскей в одном из своих отчетов констатировал: «В каждый данный момент около половины работоспособных мужчин, считающихся постоянными жителями этой территории, зарабатывает деньги для поддержания своих семей вне этой территории». Это характерно для всех резерватов: 50% работоспособного мужского населения находится вне резерватов, вне территории своего рода или племени, на работе в горной промышленности, на европейских фермах и плантациях или же в городах. В резервате Сискей этот процент доходит до 70.

Империалистическое правительство Южноафриканского Союза принимает всевозможные (полицейские, экономические и др.) меры, чтобы не допустить окончательного, полного отрыва туземного рабочего от его родовой организации, его превращения в постоянного жителя города, в свободного от родовых уз гражданина. Политика империалистического правительства Южноафриканского Союза состоит в том, чтобы заставить туземца работать в городе, в горной промышленности или на ферме, оставляя свою семью в том самом резервате, где живет его род, племя. Генерал Смэтс в упомянутых выше лекциях так формулировал цели этой политики: «До тех пор, пока туземная семья живет не с белым человеком, но на ее собственной территории, до тех пор туземная организация не будет сколько-нибудь существенно затронута. Когда туземец будет уходить из своей территории ежегодно на ограниченный период времени для работы на белого нанимателя, он будет оставлять позади себя свою жену и своих детей в их доме. Семейная жизнь в туземном доме будет идти по традиционной линии, рутина семьи и племени не будет нарушаться ни в каком отношении. Только тогда..., когда вся семья уйдет из племенного дома и из-под племенной юрисдикции на ферму белого человека или в город белого человека, только тогда племенные узы будут разорваны и традиционная система придет в упадок. И эта миграция туземной семьи, женщин и детей на фермы или в города должна быть запрещена какой угодно ценой».

Эта политика осуществляется полицейским контролем над въездом туземцев в города. Чтобы въехать в город, надо получить специальное разрешение; без него туземец может быть задержан, без него нельзя получить железнодорожный билет. Приехав в город, туземец должен получить особое «разрешение на подыскание работы»; если он в течение срока, указанного в разрешении, работы не найдет, он должен уехать в другой город или вернуться в свой резерват. В городе должны жить только те туземцы, которые нужны европейцам, а остальные — в резерватах. Особенно строго ограничивается въезд в города женщин; туземка получает разрешение на въезд в город, если она докажет, что ее муж или отец в течение двух лет непрерывно живет в этом городе.

Этой цели соответствует и жилищная политика муниципалитетов. В 1923 г. был принят южноафриканским парламентом Native (Urban Areas) act № 21, положивший начало сегрегации поселения городских туземцев. Согласно этому закону туземцы должны быть в принудительном порядке выселены из европейских городов в специально для них созданные «городские локации» — туземные пригороды, расположенные в нескольких километрах от города. Дома в локациях строятся муниципалитетами. Строятся чаще всего большие (до двух тысяч коек в каждом) общежития для одиноких мужчин, реже — для одиноких жен-

³ W. M. Mac Millan, Complex South Africa, 1930, p. 137.

щин. Домов с квартирами для семейных очень мало. Например, в городской локации Дурбана в 1930 г. имелось четыре общежития на 7785 мужчин, одно общежитие на 305 одиноких женщин и только 120 семейных квартир; в одной из локаций Йоганнесбурга — два общежития на 2500 одиноких мужчин и одно общежитие на 11 одиноких женщин. Туземная семья, поселившаяся в муниципальной квартире, не имеет права принимать жильцов без разрешения суперинтенданта локации. Ставки платы за жилище также более благоприятны для одиноких. Отдельная комната для семьи стоит непропорционально дороже койки в общежитии. Квартирная плата составляет от одной трети до половины заработной платы среднего рабочего.

В ряде локаций туземцам разрешено строить свои дома. Но лишь немногие имеют средства для этого и далеко не каждый получает разрешение на постройку своего дома. В домах, принадлежащих туземцам, «часто живет столько людей, сколько может на ночь разместиться на полу»⁴.

Крайне низкая заработная плата является источником колониальных сверхприбылей и вместе с тем препятствует переезду туземных семей в города. Создана даже особая «теория» заработной платы, согласно которой «заработная плата туземца должна приближаться к разнице между средней привычной стоимостью жизни и производством в резерватах»⁵, т. е. заработная плата должна быть достаточной для поддержания жизни только самого рабочего, а его семья должна содержать себя сельскохозяйственной работой в резервате.

О размерах заработной платы туземцев можно судить по данным обследования, проведенного Бюро заработной платы в 1926—1929 гг. и охватившего 10 592 человека. Из них получали в месяц:

10—29 шиллингов	0,1%
20—29 »	0,5%
30—39 »	2,2%
40—49 »	5,1%
50—59 »	7,3%
60—69 »	18,2%
70—79 »	16,0%
80—89 »	19,2%
90—99 »	11,6%
100 и больше шиллингов	19,8%

При чтении этой колонки цифр надо иметь в виду, что средняя месячная заработная плата европейского рабочего в обрабатывающей промышленности составляла за эти годы 20 фунтов стерлингов.

Большинство исследователей бюджетов городских туземных семей приходит к выводу, что заработная плата главы семьи из 5 человек составляет от 33 до 80% стоимости жизни такой семьи. Чтобы свести концы с концами, добыванием денег заняты все члены семьи. Жена ходит к европейцам стирать белье, мыть полы или служит у них прислугой. Многие туземные женщины в городах варят пиво на продажу, но это запрещено, и налагаемые полицией штрафы часто съедают заработок нескольких месяцев от такого домашнего пивоварения. Ребятишки продают газеты, моют европейцам автомобили, доставляют им покупки из магазинов и т. п.

В 1940 г., по заданию муниципалитета Йоганнесбурга, были обследованы бюджеты 978 постоянно живущих в городе туземных семейств. Было установлено, что средний месячный доход семьи равен 5 фн.

⁴ Native Economic Commission Report for 1930—1932, p. 65.

⁵ John Kirk, The economic aspects of native segregation in South Africa, 1929, p. 88.—Ballinger в «Race and economics in South Africa» (1934, p. 33) пишет: «Большинство туземных горняков оплачивается из расчета содержания его самого, их семья обеспечиваются себе минимум средств существования обработкой земли в резервате».

6 шилл. 8 пенсов; из них заработок мужа составляет 77,1%, заработок жены и детей — остальные 22,9%⁶. «Бедность,— пишет Елена Хельман,— является наиболее характерной чертой жизни тех туземцев, чьи семьи живут в городах. Жестокая борьба за то, чтобы сбалансировать доходы и расходы, заполняет всю жизнь; трудности, которые должен преодолеть средний туземец, чтобы содержать семью в городе, почти невероятны». «Почти вся деятельность туземцев в локациях направлена на добывание средств к жизни, и каждый член семьи озабочен попытками свести концы с концами»,— пишет другой исследователь туземных бюджетов, Е. Кригер⁷.

В 1943 г. в пригороде Йоганнесбурга Александре были обследованы около 3 тыс. учеников туземных школ. Установлено, что только 40% обследованных могут быть признаны здоровыми, 50% в той или иной мере больны (главным образом вследствие постоянного недоедания); 10% детей находится в таком состоянии, что должны быть направлены в больницу. Исследование крови на сифилис дало положительную реакцию у 13% детей. В отчете об итогах обследования отмечается, что эта картина все же более отраднa, чем в других локациях. В отчете говорится об «универсальной бедности» городских туземцев⁸.

Однако никакие препятствия, чинимые империалистами, не могут устранить железной логики вещей. Голод и нужда в деньгах гонят туземных крестьян из резерватов в города. Резерваты составляют только 8% земельного фонда Южноафриканского Союза, а в них загнали основную часть туземного населения. Туземные крестьяне испытывают невероятный земельный голод. Огромное количество крестьян совсем не имеет земельных наделов. Крестьяне покупают хлеб; в Транскей постоянно, даже в лучшие урожайные годы, ввозится большое количество продовольствия. По подсчетам туземной экономической комиссии, в резервате Моилоа годовой сбор зерновых при хорошем урожае — 24 500 мешков; для прокормления же требуется минимум 55 000 мешков, т. е. собственное производство хлеба составляет меньше половины потребности. Нужны деньги, чтобы купить хлеб. Нужны деньги, чтобы уплатить и подушную подать (полтора фунта стерл.) и сборы в казну племени, исходящие до 2—3 фунтов в год. Нужны деньги, чтобы купить самые необходимые промышленные товары. Многие из этнографов до сих пор предпочитают помещать в своих исследованиях снимки с туземцев, одежда которых состоит только из передника, и выдают это за обычай. Эти этнографы вводят своих читателей в заблуждение, а расовики используют это как аргумент, доказывающий отсталость людей «низшей» расы. На самом деле этот обычай отошел в далекое прошлое; туземцы уже привыкли к одежде европейского покроя. Почти все мужчины побывали в городах, носили европейский костюм и оценили его преимущества. Они любят и умеют красиво одеваться. Но они не могут одеться, потому что не имеют средств на покупку одежды. Нужда, вызванная империалистическим господством, а не старинный обычай, заставляет их ходить полуголыми. В обиход туземной семьи уже широко вошли мебель, граммофоны, велосипеды, эмалированная и цинковая посуда, часы и пр. Но на все нужны деньги. Многочисленные исследования установили как самое распространенное явление огромную задолженность туземных крестьян европейским лавочникам и ростовщикам. Единственное средство достать денег — заработки в городе, в копиях или на европей-

⁶ Miriam Janisch, A study of african income and expenditure in 987 families in Johannesburg, 1941.

⁷ «The bantu speaking tribes of South Africa», сборник под редакцией Schapera, 1937, pp. 407—408.

⁸ Harding Le Riche, A health survey of african children in Alexandra township, 1943.

ских фермах и плантациях. Поэтому, ломая все полицейские и прочие рогатки, туземцы бегут из резервата в город и оседают там.

Многие, уже побывавшие в городе, стараются совсем переселиться туда, ибо они уже не могут примириться с господствующей в деревне патриархальщиной, с отношениями родового общества, с некультурностью и примитивностью деревенской жизни. Заслуживает внимания еще одна причина, которую обычно обходят поклонники расовых теорий. Некоторые туземные семьи переселяются в город с единственным намерением дать своим детям образование, совершенно недоступное в деревне. Сеть начальных туземных школ очень ограничена — она охватывает только 20% детей школьного возраста; школы ютятся в хижинах, в церквях, так как специально школьных зданий правительство не строит; туземный учитель получает около трех фунтов в месяц — заработок туземного рабочего. Туземцы очень высоко ценят образование и, невзирая на крайний недостаток средств, стараются поместить детей в школы; взрослые стараются получить квалификацию. Буржуазная газета «Star» писала: «С одной стороны, мы видим европейских рабочих, отказывающихся посещать бесплатные вечерние курсы для повышения своей квалификации, а с другой — туземцев, расходующих до одной трети своей зарплаты на повышение квалификации»⁹.

За первое десятилетие существования Южноафриканского Союза (1911—1921) городское туземное население возросло с 518 142 до 587 000 человек (сюда не входят горнорабочие), или на 13%. Женская часть городского туземного населения за это же время выросла на 50%; удельный вес женского населения увеличился с 19 до 25%. В последние годы приток женщин в города шел еще более интенсивно. Ниже приводятся данные по некоторым городам Витватерсранда:

Г о р о д а	Годы	Прирост женского населения в %
Бракпан	1921—1931	58,6
Гермистон	1921—1931	158,9
Крюгерсдорп	1921—1931	99,0
Рудерпурт	1925—1931	84,7
Спрингс	1926—1931	67,4
Витбэнк	1924—1931	160,4

По последней переписи (1936 г.) городское туземное население составляло 824 460 человек, из них 384 140 женщин. По сравнению с 1921 г. численность городского туземного населения возросла на 40%, его женской части — на 160%; женское население составляет теперь уже 46% всего городского туземного населения. Правительственная комиссия по туземным делам в докладе за 1939—1940 гг. бьет тревогу по поводу превращения «нации банту» в «рабочий класс», в класс «бедных пролетариев». Комиссия рекомендует «воссоздать мир банту». «Должна быть нация банту в Южной Африке», — настаивает комиссия, понимая под этим племенную организацию туземцев. «Когда основная масса рабочих для рудников и промышленности попрежнему будет привлекаться из резерватов, а после работы они будут со своим заработком возвращаться, чтоб развивать экономику резерватов, — такая политика будет экономически эффективной». Комиссия предлагает усилить меры по ограничению въезда туземцев в города¹⁰.

Основная, подавляющая масса городского туземного населения состоит из рабочих и домашней прислуги. Характерным для Южноафриканского Союза (как и для большинства колоний) является то обстоя-

⁹ «Star» от 17 февраля 1934 г.

¹⁰ The report of Native Affairs Commission for 1939—1940.

тельство, что работодателями являются не туземные буржуа, а белые, европейцы. Туземные рабочие являются по существу рабами. Закрепленное в законодательном порядке разделение занятий (segregation in industrial occupation) осуждает туземного рабочего на выполнение только неквалифицированной, тяжелой и грязной работы; квалифицированная работа является привилегией европейских рабочих. Цель этой политики ясна: навсегда сохранить низкую оплату туземного труда, как источник колониальных прибылей, поставить европейских рабочих в привилегированное положение, сделать и их одной из опор своего империалистического господства в Южной Африке.

Оправданием этой политики является расовая теория, объявляющая черного человека существом «низшего порядка», «органически неспособным» подняться до уровня европейской цивилизации. Например, Native Labour Recruiting Corporation (корпорация по вербовке туземных рабочих) в одном из своих докладов так объясняла низкую заработную плату туземных рабочих: «В одном случае (у европейцев) обувь считается необходимостью, в другом (у туземцев) — это рассматривается как роскошь; один рассматривает мясо как обязательную часть питания, другой — как желательную, но не обязательную; белый человек не может спать, если не лежит на чем-нибудь мягком, черный человек устраивается комфортабельно на голой земле, если теплая погода, и одеяло вполне устраивает его, если холодно»¹¹.

Туземный рабочий зарабатывает в несколько раз меньше белого рабочего. Это происходит совсем не оттого, что первый выполняет простую работу, а второй — сложную. Среднее для европейских капиталистических стран соотношение между оплатой квалифицированного и неквалифицированного рабочего равно 7 к 5, а в Южноафриканском Союзе это соотношение равно 7 к 1. Туземец оплачивается ниже даже в том случае, если он выполняет ту же самую работу, что и европеец. Так в горной промышленности проходчики получают (данные за 1933 г.): туземец — 3 шилл. за смену, европейский рабочий — 21 шилл. 2 пенса; машинист-туземец — 2 шилл. 8 пенсов, европеец — 21 шилл. 7 пенсов; откатчик-туземец — 2 шилл., европеец — 19 шилл. 11 пенсов¹².

В последние десятилетия в Южноафриканском Союзе, вследствие разорения части фермеров-буров, появилась многочисленная армия неквалифицированных европейских рабочих, фигурирующих в официальной статистике под рубрикой «poor whites» (белые бедняки). Они оказались в крайне тяжелом положении. Неквалифицированная работа, — это удел «кафра», чернокожего, она «недостойна белого человека», она якобы роняет в глазах туземца его престиж, престиж человека «высшей» расы. Но главное — неквалифицированный европейский рабочий не может жить на ту зарплату, какую принято платить в Южноафриканском Союзе неквалифицированному работнику. Правительство обязывает предпринимателей принимать на работу европейских чернорабочих и платить им повышенную зарплату, достаточную для поддержания «цивилизованного» уровня жизни. При этом правительство берет на себя частичное покрытие разницы в зарплате. Кроме того, правительство пользуется всеми средствами, чтобы выжить туземцев из городов и очистить место для «бедных белых».

Туземные рабочие ведут напряженную борьбу с европейскими предпринимателями и империалистическим правительством Южноафриканского Союза за ликвидацию этого «цветного барьера», за равенство

¹¹ Цитировано по J. Kirk, The economic aspects of native segregation in South Africa, 1929, p. 21.

¹² Отсюда, конечно, не следует заключать, что европейские рабочие в Южноафриканском Союзе находятся в намного лучших условиях, чем рабочие в других капиталистических странах.

с европейскими рабочими, за сносные, человеческие условия существования. Эта борьба объединяет, сплачивает всех туземных рабочих независимо от родовой и племенной принадлежности. Родовая солидарность сменяется классовой солидарностью. Туземные рабочие создали свои профессиональные союзы, объединяющие представителей разных племен в классовые организации. Империалистическое правительство Южноафриканского Союза пытается расколоть эти единые классовые организации, подменить их племенными организациями, воскресить и усилить племенную рознь в среде туземных рабочих. После забастовочной волны, вызванной экономическим кризисом 1929—1933 гг., правительство предприняло ряд конкретных мер по объединению городских туземных рабочих в племенные общины.

Начало этому новому курсу положил вождь племени кхоза, Сандиле. Правительство организовало его поездку по главным промышленным центрам Союза, где жили его соплеменники. Перед ним была поставлена задача установить контакт со своими соплеменниками, организовать в городах «филиалы» своего племени, создать своеобразные землячества. Во главе каждого такого племенного филиала Сандиле должен был поставить подчиненного ему «советника», наблюдающего за городской племенной общиной и помогающего местным властям поддерживать «порядок и мир». Предполагалось, что эти советники будут признаны Департаментом по туземным делам в качестве консультантов соответствующих правительственных чиновников и будут их правой рукой.

Вслед за поездкой Сандиле была организована поездка зулусского принца Мшени ка Динизулу. При посещении компаунда¹³ туземных горняков около Йоганнесбурга европейские чиновники организовали принцу торжественную встречу. Сопровождавший его священник (из туземцев) Джон Дьюбе представил его горнякам: «Вот ваш вождь, зулусы! Благодарите правительство, что ему разрешено приехать и видеть вас». В своем обращении к горнякам принц Мшени говорил, что «они должны уважать своих вождей и не стыдиться своего племенного происхождения». Он требовал, чтобы зулусы-горняки своевременно платили все налоги и сборы, уважали начальство и законы, и тогда не будет необходимости вызывать полицию для восстановления «закона и порядка»¹⁴.

Правительство пытается распространить на городское туземное население свой традиционный империалистический принцип «разделяй и властвуй». У нас нет сведений о том, что из этой затеи вышло, у нас нет также данных о межплеменных распрях среди городского туземного населения, хотя в горняцких компаундах, где туземцы размещаются по племенному признаку, такие случаи и бывали, по словам местной печати.

Профсоюзы европейских рабочих в Южноафриканском Союзе долгое время не принимали в свои ряды туземных рабочих, а потому существовали параллельные профсоюзы европейских и туземных рабочих. Правительство всячески поддерживало и углубляло этот раскол. Но за последние годы эта рознь постепенно ликвидируется, создаются единые рабочие организации, независимо от цвета кожи. Туземные рабочие становятся органической частью единого рабочего класса Южноафриканского Союза.

Больше двух десятков лет существует Коммунистическая партия Южной Африки, объединяющая в своих рядах и европейцев и

¹³ Компаунд — закрытый горняцкий поселок, куда доступ для посторонних категорически запрещен.

¹⁴ «Umteteli wa Bantu» от 1 декабря 1934 г. и 5 января 1935 г.

туземцев. Вместе с европейскими рабочими туземные пролетарии создали свою высшую классовую организацию — партию.

Другую часть городского туземного населения составляет туземная буржуазия. Экономически она еще очень слаба. Возможности развития туземной буржуазии крайне ограничены господством европейских монополий. Сферами приложения и источниками накопления туземного капитала являются розничная торговля в локациях, ростовщичество, домовладение.

Никакой мало-мальски полной и точной статистики относительно туземной буржуазии нет, но и отдельные разрозненные факты свидетельствуют о наличии многочисленной буржуазной прослойки среди городского туземного населения. Уже имеются коммерческие и политические объединения туземных дельцов, ничего общего не имеющие со старыми родовыми организациями. Туземная буржуазия, в такой же мере, как и рабочие, испытывает гнет расовой дискриминации (сегрегация поселения, паспортные законы, отсутствие избирательных прав и пр.), и это является основанием для совместной борьбы рабочих и буржуазии за человеческие права.

Третьей составной частью городского туземного населения является интеллигенция. Высшего образования для туземцев в Южной Африке нет, университеты для них закрыты. Имеется около трех десятков так называемых «высших школ», но в сущности это средние профтехнические школы. Они готовят учителей, агротехников и зоотехников, медицинских сестер, конторщиков и т. п. Основная масса туземной интеллигенции вышла из этих школ. Имеется только один «Южноафриканский туземный колледж», дающий образование, близкое к университетскому. За первые 20 лет своего существования (1916—1936) он выпустил 570 человек (в среднем по 28 человек в год). Из них в 1937 г. 147 работали в самом колледже, 139 — учителями, 106 — священниками, 57 — клерками, 8 — фельдшерами, 3 — полицейскими, 2 — шоферами, 1 — журналистом; 11 окончивших курс в колледже стали фермерами. Очень незначительное количество южноафриканских туземцев получило высшее образование за границей.

В среде туземной интеллигенции имеются доктора и профессора, писатели и журналисты. Художественная литература, созданная туземными писателями, еще совсем молода — ей всего лишь несколько десятков лет. Наиболее выдающимся произведением молодой литературы является роман Мофоло «Чака» (есть английский перевод). В романе освещается одна из наиболее интересных страниц в истории зулусского народа, связанная с именем вождя зулусов Чака, пытавшегося накануне европейского вторжения создать централизованное зулусское государство, способное защищать свою независимость. Изображение Чака в литературе до последнего времени было весьма односторонне: все писавшие о Чаке видели в нем только тирана, жестокого завоевателя, замалчивая его героическую попытку объединить все зулусские племена в одно государство.

Из других произведений художественной литературы можно назвать: «Rahrehpeng» («Старый скорпион») Сегоете, «Pitso ea Linonyana» («Парламент птиц») Секесе, «Mehla ea Malimo» («Время канибалов») и др., небольшие томики стихотворений Мкайи и Беренга, сборники народного творчества Плаатже, Ндаво и несколько переводных работ.

Силами туземной интеллигенции создана и успешно развивается периодическая пресса на английском и на многих туземных языках. Регулярно выходит около десятка газет; из них наиболее популярными являются: «The Bantu World» («Мир банту»), «Abantu-Batho» («Народ»), «Umteteli va Bantu» («Защитник Банту»), «Ilanga lase Natal» («Солнце Наталя»). Большим влиянием пользуется орган коммунистиче-

ской партии «Umsebensi» («Рабочий»), недавно переименованный в «Gardian».

Народы Южной Африки уже имеют собственную интеллигенцию, свою, пока еще молодую, литературу, свою прессу. Туземная интеллигенция играет видную роль в политической жизни Южноафриканского Союза. Она возглавляет многочисленные туземные организации, формулирует и защищает права своих народов, много работает над формированием нового, национального самосознания и несет его в широкие народные массы. Из среды туземной интеллигенции выдвинулись такие видные идеологи и вожди своих народов, как доктор Ксума, проф. Джабаву, Плаатже и безвременно скончавшийся энергичный и талантливый коммунистический лидер Альберт Нзула.

Материальное и правовое положение туземной интеллигенции, за очень редкими исключениями, очень тяжелое. Окончившие профтехнические школы с трудом находят работу. Европейские фирмы принимают на работу туземных конторщиков лишь в редких случаях и оплачивают их значительно ниже, чем европейских клерков. Паспортная система и вся машина расовой дискриминации гнетет туземную интеллигенцию с той же силой, с какой она давит всех других городских туземцев. Туземная интеллигенция создала свои профессиональные организации (ассоциация учителей, союз журналистов и др.), защищающие не только профессиональные интересы, но и общечеловеческие права всего угнетенного туземного населения.

Городское туземное общество с его разделением на классы основано на других, принципиально отличных от родового общества, началах. Однако большинство городских жителей еще не порвало персональных, экономических и тем паче идейных связей со своей родовой организацией в резерватах. Но точных цифр тут нет. Невозможно установить, сколько именно туземцев проживает в городах постоянно, сколько — временно.

В пригородах Претории, например, по данным 1935—1936 гг., 50 с лишним процентов туземцев или родилось здесь или прожило здесь всю свою жизнь, 28% прожило здесь больше 10 лет. Но это — наиболее старые локации; в других городах процент «постоянных горожан» намного ниже. Связь отходников, составляющих значительную часть городского населения, с родовой организацией в резерватах очевидна: там он оставил семью и хозяйство; заработав некоторое количество денег, отходник вернется в свой краал.

Большинство «постоянных горожан» сохраняет связь с оставшимися в резервате сородичами, посылая им подарки, деньги. Кроме родственных чувств, здесь имеют место и практические соображения: в случае длительной безработицы можно вернуться в свой род и найти там необходимую поддержку. Туземцу, лишившемуся работы, трудно найти новое место и вследствие наличия постоянной армии безработных туземцев и вследствие чудовищной паспортной системы, ограничивающей его передвижение из города в город. Правительство ведет курс на то, чтобы в городе жили только те, кто имеет работу, кто нужен европейцам-работодателям, а безработные должны возвращаться в резерваты. Священник Дьюбе с торьким сарказмом говорит об этом: «Вам (европейцам — И. П.) нужен наш труд, но как только мы перестаем быть нужными вам, вы хотите отослать нас подальше от себя и не хотите видеть нас до тех пор, пока наш труд снова вам не потребуется. Мы ходим на лошадей, которых ставят в конюшню после работы».

Многие городские туземцы посылают своих детей на воспитание к сородичам в резерват. Это вызывается прежде всего материальными соображениями, недостатком средств на содержание детей. Часто имеется

в виду и другая цель — воспитать детей в духе старых родовых традиций. Иногда девушек, достигших половой зрелости, посылают на один-два года к сородичам в резерват, чтобы предупредить внебрачную беременность (в последнее время широко распространенное в городах явление). До последнего времени в городах был острый недостаток туземных женщин, а потому многие городские туземцы ездили в родные места за невестой; скот для уплаты *lobola* давали в таком случае сородичи, живущие в резервате.

Множеством разнообразных каналов городское туземное общество связано с родовой организацией в резервате. Сильны еще родовые отношения и внутри городского общества. Сородичи держат между собою связь, оказывают друг другу материальную и моральную помощь, организуют коллективные развлечения, участвуют в свадьбах или крестинах, на похоронах сородича и т. п. Постоянных, оформленных родовых организаций, однако, нет (выше отмечалась попытка правительства создать в городах племенные общины). Но родовые отношения уже отступают на задний план, уступают место профессиональным, политическим отношениям и организациям. Наряду с профсоюзами, ассоциациями купцов и пр. создались вне родовые культурные, спортивные и другие организации. Они охватывают все стороны жизни городского туземца. Новые условия жизни порождают и новое мировоззрение, идущее на смену старой родовой идеологии.

Городские туземцы, в своем подавляющем большинстве, пытаются еще добросовестно следовать родовым традициям, выполнять все обряды, предписываемые этими традициями. Но условия городской жизни не позволяют в точности соблюдать эти предписания, они вносят свои существенные поправки, заставляют видоизменять, модифицировать привычные обряды и обычаи. Не малое влияние на эту модификацию оказывает и общение с европейцами, знакомство с их образом жизни. Например, рождение ребенка у банту обставляется сложным ритуалом, центральной частью которого является изоляция матери и ребенка от окружающего их общества на целых три месяца. В деревнях это правило выполняется строго, но в городе такая изоляция невозможна, если даже роженица и не работает: некому обслуживать мать, некуда деваться отцу с другими детьми на столь долгое время. Поэтому, как правило, мать с новорожденным изолируется в городах только на 10 дней или что-нибудь около этого, оставаясь в своей квартире; ее обслуживают или сородичи или нанятая бабка, а отец с прочими детьми живет, где придется и как придется. Неудобства, связанные с этим обычаем, заставляют все более укорачивать и этот десятидневный срок.

Очень важное место в родовой организации занимает обряд посвящения во взрослые, обряд перехода юношей и девушек в класс взрослых членов рода и племени. Ежегодно или один раз в два-три года проводятся отдельные сборы юношей и девушек; у некоторых племен эти сборы являются общеплеменными и проводятся в месте жительства вождя. Собранные изолируются от остального общества, и весь обряд проводится в строгой тайне. Посвящаемых обучают заклинаниям, песням, танцам, племенным законам и верованиям. Их подвергают разного рода физическим лишениям, испытаниям, которые должны подготовить их к охоте и связанным с нею трудностям. Сборы продолжаются около трех месяцев. Главным обрядом посвящения юношей являлось раньше обрезание. Человек, не подвергнутый обрезанию, считается мальчиком, сколько бы лет ему ни было, и ни одна девушка не пойдет за него замуж. Под влиянием христианской религии многие племена давно уже отказались от обрезания, хотя попрежнему выполняют весь обряд посвящения. Ряд племен (как кхоза, тембу и др.) и теперь производят обрезание.

В городе такие сборы посвящаемых невозможны. Поэтому у городских туземцев племен, отказавшихся от обрезания, переход в класс взрослых ничем не отмечается; этот обычай отпал. У туземцев племен, производящих обрезание, сохраняется только сам обряд обрезания, без предварительной подготовки. В ряде локаций имеются свои «специалисты» по обрезанию, которые за плату производят эту операцию. Некоторые горожане отправляют своих детей в деревню, где они проходят полный обряд посвящения.

Большие изменения претерпели институт брака и брачные обычаи. В городе почти отсутствует официальная полигамия, широко распространенная в деревне. Внебрачная половая связь раньше сурово наказывалась, внебрачные дети даже убивались. Сейчас и в деревне внебрачная половая связь стала частым явлением, хотя попрежнему она строго осуждается. «В Зулуланде, даже и сейчас,— пишет Кригер,— старшие девушки строго следят за младшими, и девушка, достигшая половой зрелости, не может даже разговаривать с молодым человеком, пока не получит разрешения старших подруг. Ее согласие принять ухаживания молодого человека является «общественным делом», и при всех отношениях с ним она находится под контролем старших подруг. Внебрачная беременность является позором для всего круга ее подруг»¹⁵.

В городе внебрачная половая связь стала широко распространенным явлением. В локациях Претории 40% общего числа рождений, зарегистрированных в 1933—1934 гг., приходилось на внебрачные. Настоятель лютеранской церкви одной из этих локаций сообщает, что из всех регистраций браков за 1931—1934 гг. 60% приходится на такие браки, где невеста уже имела ребенка. Старики попрежнему осуждают такую вольность, но они беспомощны перед обстановкой, создавшейся в городах в результате империалистической политики (крайняя скученность населения, большое количество временно проживающих в городах холостяков и пр.).

В деревне брак обязательно связан с уплатой женихом родственникам невесты выкупа лобола; обычно уплата производится скотом. Только передача лобола делает брак законным с точки зрения обычного родового права. Дети, рожденные женщиной, за которую уплачена лобола, считаются законными детьми мужа, если даже он не является их фактическим отцом. Если лобола не уплачена, дети считаются незаконными, они принадлежат роду матери, муж не имеет на них никаких прав, пока не уплатит лобола. Лобола делает брак более устойчивым. Если жена уходит от мужа по собственному желанию и без достаточных оснований, ее родители должны вернуть лобола. Но если жена уходит вследствие грубого, плохого обращения, муж не может претендовать на возврат скота. Этот обычай часто заставляет мужа лучше относиться к жене, а родителей жены — ограничивать ее волю, следить за ее поведением.

Городские туземцы сохраняют этот обычай, но уплачивается лобола в большинстве случаев уже не скотом, а деньгами (туземцы, родители которых продолжают жить в деревне, уплачивают лобола скотом). В локациях Претории, по исследованиям Кригера, в 56 случаях из ста лобола уплачивается деньгами. Но все чаще встречаются браки, совершенные без уплаты лобола. Старинный обычай уплаты лобола, как единственное средство оформления брака, дополняется его гражданской регистрацией и религиозной церемонией. По подсчетам Кригера, только в 19—20 случаях из ста брак ограничивается уплатой лобола.

В резервате туземец женится на девушке своего племени. В городе

¹⁵ «Africa», vol. IX, No. 1, January, 1936, p. 5.

перемешались люди различных племен и на работе и в месте жительства. Обычай жениться на девушке своего племени отпадает или уже отпал: молодые люди женятся по взаимному согласию, независимо от их племенной принадлежности. Дети, рожденные от таких браков, уже не принадлежат к какому-либо племени. Многие из них никогда не бывали в деревне, не знают племенных обычаев или лишь поверхностно знакомы с ними. Уже не племенные традиции, а школа, церковь, окружающая городская среда являются для них путеводителями.

Новые отношения и новое воспитание нанесли большой удар по старой примитивной религии банту. Эта родовая религия сводилась главным образом к поклонению душам умерших предков. Каждая семья поклоняется своему мужскому предку, племя в целом поклоняется предкам вождя, которые считаются основателями племени. Во всех значительных случаях племенной жизни (начало и конец полевых работ, война и т. п.), а также при стихийных бедствиях обращаются прежде всего к душам предков, выпрашивая у них помощи, покровительства, избавления от зла. Посредником между племенем и душами предков служит вождь племени. У банту было некоторое смутное представление о сверхъестественной силе, об универсальном божестве, отличном от духа предков. Эта сила часто отождествлялась с небом и обнаруживала свое существование главным образом в таких явлениях природы, как дождь, град, молния. Зулусы называли ее *Inkosi* или *Unkulunkulu*, басуто — *Modimo*, каждый народ по-своему. В представлениях зулусов это сверхъестественное существо является предком всех их предков, творцом солнца и луны, создателем законов и обычаев. Но ему, как правило, не молились и лишь в исключительных случаях (например, засуха), когда не помогали обращения к предкам, приносили ему в жертву быка. Кроме того банту верили в разного рода местных духов, обитающих в лесу, в горах и т. п. Составной и неотъемлемой частью старой религии банту были суеверия, связанные с колдунами и знахарями, которые и портят людей, и лечат их, и являются посредниками между человеком и злыми или добрыми духами. Эти суеверия пронизывают все сферы личной и общественной жизни; отвлекаясь от них, нельзя понять поведение туземца.

Проповедь христианской религии миссионерами принесла новые представления и понятия, но она не разрушила еще основ родовой религии. Современное религиозное мировоззрение туземца представляет собою пеструю смесь старой родовой и новой христианской религии. Многие из туземцев крестились и посещают церковь, но вместе с тем поклоняются духам предков и попрежнему широко пользуются услугами колдунов и знахарей.

Религиозное мировоззрение городских туземцев переживает глубокий кризис. Большинство из них христиане. Старая родовая религия не соответствует тем новым отношениям, в которые поставлены городские туземцы. Благосостояние рода и отдельного туземца в деревне зависит главным образом от благоприятных природных условий. Благосостояние городского туземца зависит от социальных сил, от того, даст ли ему белый наниматель работу, сколько он ему заплатит, по какой цене лавочник будет отпускать ему товары и т. д. Здесь привычная для туземца родовая религия даже с его точки зрения бессильна, здесь духи его предков не могут ему помочь. Новые, непонятные для него силы определяют теперь его судьбу, и он стоит перед ними беспомощный. Европейцы, которым принадлежит теперь господствующее положение в его родной стране, верят в христианского бога и приглашают его последовать этой религии. Он принимает христианство и тут же обнаруживает острое противоречие между христианским учением и суровой действительностью. Расовая

и социальная дискриминация, от которой он никуда не может уйти и которая неимоверно гнетет его, никак не может в его сознании сочетаться с христианской проповедью милосердия, братства, любви к ближнему. «Все люди — братья», «все люди дети одного отца, бога», — учит миссионер, но туземца не пускают в церковь, которую посещают белые, у него отняли землю и заставили продавать свою рабочую силу белому богачу, ему не позволяют жить в благоустроенном городе и загоняют в грязную локацию, ему платят в несколько раз меньше, чем белому рабочему, если даже он выполняет одинаковую с ним работу. Туземцы говорят: «Когда белый человек пришел сюда, у него была библия, у нас земля; теперь у нас библия, у него земля»¹⁶.

Большую путаницу в религиозное мировоззрение туземца вносит множественность христианских церквей, борющихся друг с другом за «душу» туземца (англиканская, католическая, пресвитерианская и др.).

Городской туземец чувствует, что ни его старая, родовая религия, ни новая, христианская не в состоянии помочь ему. Он не доволен ни той, ни другой и находит пока выход в сектантском движении; многочисленные секты возникают, как грибы после дождя, и так же быстро исчезают¹⁷. Туземец ищет приемлемой для него религии.

Кризис родовой религии неизбежно влечет за собой кризис всей родовой идеологии. Формируется новая идеология. Растет национальное самосознание банту, прежде всего городских банту; растет чувство национальной гордости и обиды за чинимые империалистами унижения; растет чувство солидарности в борьбе против национального угнетения. Эта новая идеология является буржуазной идеологией. Рядом и в борьбе с нею усилиями коммунистической партии формируется пролетарская, революционная идеология. Идеи научного социализма широко распространены в среде туземного пролетариата и нашли там горячих сторонников. Произведения классиков марксизма-ленинизма еще не переведены на туземные языки, но их читают на английском языке, их изучают в партийных школах и кружках, их пропагандируют на страницах коммунистической газеты. Массовая миграция из деревни в город и обратно заносит идеи социализма в самые отдаленные захолустья. Широкие массы туземного народа знают о Союзе Советских Социалистических Республик, о его национальной политике, о братской семье народов в нашей стране, об исторической заслуге нашей родины перед человечеством во второй мировой войне.

Самой жгучей и неотложной задачей всех туземных народов, всех классов и социальных групп банту является борьба против расовой и социальной дискриминации, борьба за человеческие права, за гражданское равенство с белыми, как первый шаг, как необходимая предпосылка полного и окончательного освобождения от гнета британского и южноафриканского империализма. На этой платформе объединяются все силы туземных народов. Во главе этого общенародного движения стоит массовая организация реформистского толка — «Африканский национальный конгресс», председатель которого доктор Ксума в прошлом году посетил Нью-Йорк, когда там заседала Генеральная Ассамблея Организации Объединенных наций, с целью привлечь внимание этой организации к положению туземных народов Южной Африки.

¹⁶ D. D. T. Jabavu, Bantu grievances — статья в цитированном выше сборнике «Western civilisation and the natives of South Africa», p. 288.

¹⁷ В журнале «African studies», vol. 3, No. 4, December, 1944, сообщалось, что в апреле 1942 г. насчитывалось больше 500 «независимых» туземных церквей.

Южноафриканские империалисты пытаются сохранить в туземном обществе все старое, отживающее, чтобы опереться на эту старину и использовать ее для укрепления своего господства. Они препятствуют возникновению новых отношений, новых форм социальной организации туземных народов. Но новое неодолимо — таков закон развития. Ломая все препятствия, сметая полицейские рогатки, новое пробивает себе дорогу, растет и крепнет. Вопреки усилиям южноафриканских империалистов сохранить архаические институты родового общества, в городских центрах возникло новое, классовое общество, с присущими ему организациями и идеологией, принципиально отличное от родового общества.

Городское туземное общество оказывает огромное влияние на родовую организацию в резерватах. Туземец, проработавший длительное время в городе, уносит в резерват не только какую-то сумму денег, но и новые идеи, понятия, представления, несовместимые с кодексом родовой организации. В. И. Ленин, имея в виду Россию, писал, что неземледельческий отход «вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной политической жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности. Отход в города повышает гражданскую личность крестьянина, освобождая его от той бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревне»¹⁸.

В применении к Южной Африке, где туземная деревня и культурно и политически неизмеримо отстала от европейского города, это особенно верно. Привычные и не вызывавшие раньше сомнения отношения к вождю племени и старшине в роде, обычаи, регулирующие в деталях жизнь семьи и рода, отношения к женщине, культ предков и все прочее представляется теперь туземцу в совершенно ином и непривлекательном виде. Власть старших в роде ему кажется теперь деспотической, культ предков — диким, нормы семьи и брака — стеснительными.

«Теоретики» империалистической политики и идеологи племенной верхушки туземного общества в один голос отмечают разлагающее влияние отходничества на родовые отношения в резерватах. Джон Кэрк¹⁹ с тревогой отмечает, что туземец в городе усваивает «привычку к дерзости, непослушание родителям и нанимателям, неутомимость и непостоянство», что он воспринимает «такие привычки, которые ведут к ссорам, к дерзновению, к презрению власти. Это болезни городского пролетариата». Такой видный идеолог племенной верхушки, как священник Дьюбе, в своих показаниях перед Туземной экономической комиссией жаловался на то, что в результате отходничества разрушаются родовые связи, ослабевает контроль старших в роде и семье, растет непочтительное отношение к родовым традициям.

Городское туземное общество выступает как единственный и естественный представитель всего туземного населения в его борьбе за независимость и свободу от империалистического угнетения.

* * *

Возглавляемые генералом Смэтсом южноафриканские империалисты пытаются одним выстрелом убить двух зайцев: заставить туземцев работать на них и в то же время сохранить старую родоплеменную организацию, как средство против объединения туземного населения в единую нацию. Эта политика внутренне противоречива и по своему несостоятельна.

¹⁸ Ленин, Соч., т. III, стр. 449—450.

¹⁹ John Kirk, op. cit., pp. 73—74.

В 1943 г. в Лондоне вышла книга Джона Бэргера «The black man's burden», в которой приводится такой факт: 25% всех туземцев, предлагающих свою рабочую силу горнопромышленникам, непригодны для данной работы по состоянию своего здоровья. В журнале «African studies» за 1943 г. (vol. 2, No. 3) читаем: «Туземные резерваты были созданы как резерваты дешевого труда. Условия жизни в них по необходимости должны быть настолько плохими, чтобы взрослые туземцы были вынуждены уходить на заработки в горную промышленность и на фермы. На самом деле они настолько плохи, что там вырастают люди, неспособные быть рабочими».

Родоплеменная организация туземного населения разлагается. Попытка сохранить ее во что бы то ни стало (на чем настаивал Смэтс) ведет к сокращению полноценной рабочей силы туземцев, как источника колониальной сверхприбыли. Туземное население Южноафриканско Союза дорого расплачивается за эту империалистическую политику: оно идет по пути вырождения. Напрасно генерал Смэтс пытался на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке осенью 1946 г. убедить мировую общественность в том, что туземцы Юго-Западной Африки горят желанием присоединиться к Южноафриканскому Союзу. Ему никто не поверил.